

A. A. Романчук

Спор о древненовгородском диалекте в контексте варяго-русской дискуссии

Keywords: dialect of ancient Novgorod, linguistics, archaeology, anthropology, Varangians, Rousi.

Cuvinte cheie: dialectul vechi Novgorod, lingvistică, arheologie, antropologie, varegi, rusi.

Ключевые слова: древненовгородский диалект, лингвистика, археология, антропология, варяги, русь.

A. A. Romanchuk

Dispute on the Ancient Novgorod Dialect in the Context of Varangian-Rus' Discussion

The dispute on the «West-Slavic» origin of the Ancient Novgorod dialect is one of the key questions in the context of Varangian-Rus' discussion. Majority of researchers do not agree with this hypothesis. However, the new synthesis of archaeological, linguistic and anthropological data proves that the dialect of ancient Novgorod appeared as a result of migrations from western part of Slavia in the late pre-Slavic time (and even earlier, in the processes of Slavia formation). The key role was played here by the previous appearance of an "arch of relationships": Middle and Upper Danube — the Amber Way — the South Baltic System of Priority Cultural Relations — forest zone of Eastern Europe.

A. A. Romanchuk

Disputa despre originea dialectului vechi Novgorod în contextul discuției varego-ruse

Discuția despre originea „vest-slavică” a dialectului vechi Novgorod este foarte importantă în contextul problemei varego-ruse. Astăzi, majoritatea cercetătorilor abordează sceptic această idee. Însă, sinteza modernă a datelor arheologiei, lingvisticii și antropologiei fizice ne aduce la concluzia, că formarea dialectului vechi Novgorod reprezintă un rezultat al migrațiilor repetate din partea de vest a Slaviei în perioada preslavică târzie (aceste migrații, probabil, puteau să aibă loc încă mai devreme — pe timpul formării Slaviei). Rolul principal în acest proces l-a jucat constituirea timpurie a „arcului de relații”: Dunărea mijlocie și superioară — drumul chihlimbarului — sistemul sud-baltic de relații prioritare — zona de pădure a Europei de Est.

A. A. Романчук

Спор о древненовгородском диалекте в контексте варяго-русской дискуссии.

В контексте варяго-русской дискуссии одно из центральных мест занимает спор о «западнославянском» происхождении древненовгородского диалекта — и вообще новгородцев. Сегодня большинство исследователей относится к этой идее скептически. Однако, в свете синтеза данных археологии, лингвистики и физической антропологии формирование древненовгородского диалекта предстает как результат неоднократных миграций из западной части Славии в позднепраславянское время (и, видимо, и ранее — в процессе формирования самой Славии) именно через Прибалтику. Существеннейшую роль в этом играло возникновение значительно ранее «дуги связей»: Средний и Верхний Дунай — Янтарный путь — южнобалтийская Система Приоритетного Взаимодействия — лесная зона Восточной Европы.

В контексте варяго-русской дискуссии одно из центральных мест занимает спор о «западнославянском» происхождении древненовгородского диалекта — и, вообще новгородцев. Хотя, как я постарался показать (Романчук 2013: 286; 2013а; 2013b: 85), на самом деле южнобалтийская гипотеза происхождения варягов и руси никак не зависит от положительного или отрицательного ответа на этот вопрос.

Тем не менее, на мой взгляд, ответ на него все же положительный — и здесь я хотел бы

развернуть и существенно дополнить аргументацию, представленную ранее (особенно: Романчук 2014; также см.: Романчук 2014а).

Полагаю, идея происхождения носителей древненовгородского (как в широком, так и узком (по А. А. Зализняку) значении этого термина (Зализняк 2004: 6—7)) диалекта в результате миграции из западной части Славии (прежде всего — Висло-Одерского междуречья) в позднепраславянское время заслуживает весьма серьезного внимания.

Подчеркну: именно миграции из западной части Славии в позднепраславянское время (Кудрявцев 2000: 67; Зализняк 2004: 56) — а не их западнославянского происхождения, как обычно (и неправильно) понимают оппоненты этой идеи. Многие исследователи, и прежде всего — Г.А. Хабургаев, указывали: «В VI—VIII вв. праславянский язык еще не распался, а восточно-/resp. западнославянские языковые особенности в основном формировались в более позднее время. ...Речь идет о периоде, когда никаких “западных” и “восточных” славян еще не было...» (Кудрявцев 2000: 67).

Итак, сделав эти необходимые пояснения, обратимся к сути вопроса. И отметим, что сегодня большинство исследователей, признавая «повышенную степень архаичности древненовгородских говоров» (Васильев 2005: 13), равно как и их «тяготение к западнославянской зоне» (Журавлев 1994: 191), все же относятся к идее возникновения древненовгородского диалекта в результате миграции из западной части Славии скептически.

Примечательно, что сам А.А. Зализняк в результате критики предпочел сосредоточиться на аргументации повышенной архаичности древненовгородского диалекта и его праславянского статуса. Другой же главный инициатор нового витка дискуссии (Николаев 1990: 62; 1994) сегодня занимает двойственную, на мой взгляд, позицию: «кривичский ареал... входит в единый диалектный ареал (“языковой союз”, Sprachbund) с севернолехитскими диалектами... Но это совершенно не значит, что псковские и полоцкие кривичи (в отличие от смоленских и тверских??) происходят из Южной Балтики» (личное сообщение).

Также, в последнее время была пересмотрена и интерпретация топонимических изоглосс, связывающих Северо-Запад и западнославянские территории, в первую очередь названий на *-гощ/-гост-*. И если Р.А. Агеева скорее предпочла оставить вопрос открытым (Агеева 2004: 177—181), то выводы других исследователей гораздо жестче: «концентрация этой топонимии на Северо-Западе вряд ли может быть объяснена в рамках сомнительного тезиса о том, что в течение длительного времени в Восточную Европу, и главным образом в Приильменье, проникали группы балтийских, южных и западных славян, оставивших географические названия на *-гощ/-гост-*» (Васильев 2005: 164).

Наконец, недавно и физическая антропология, пересмотрев уже ставшие клас-

сическими выводы Т.И. Алексеевой, тоже, и вполне убедительно, усомнилась в западнославянском происхождении новгородцев (Санкина 2000).

Насколько же все эти критические замечания действительно подрывают гипотезу миграции из западной части Славии?

Начнем с того, что финский и балтский субстраты, о которых говорит В.Б. Крысько (1998: 88) как об одной из возможных причин высокой инновативности древненовгородского диалекта, характерны для большей части восточнославянского ареала. Поэтому такое объяснение по отношению к древненовгородскому диалекту — по меньшей мере, недостаточно. Тем более оно не может объяснить разницу между псковско-новгородским и восточноновгородским диалектами.

Не может объяснить эту разницу и гипотеза «периферийности».

Так, хорошим примером является как раз антропонимическая модель со вторым компонентом *-гост*.

Действительно, давно замеченное противоречие между концентрацией топонимии на *-гощ/-гост-* в Новгородской земле и абсолютной редкостью «композиционных личных имен на *-гостъ*» в восточнославянском ареале (на сегодняшний день оно только усилилось новыми находками, в результате которых очевидно, что такие имена «полнее всего отражены именно документацией новгородской территории, т.е. как раз там, где топонимия на *-гощ/-гост-* предстает особенно сконцентрированной» (Васильев 2005: 163)) никак не может быть снято апелляцией к тому факту, что такая топонимия «изредка встречается во всех уголках раннеславянского расселения; в частности, у восточных славян, помимо Русского Северо-Запада, такие названия более или менее равномерно рассеяны практически по всей территории Верхнего Поднепровья (лишь одно выразительное скопление таких топонимов находится на Верхней Припяти в районе Пинска...) и изредка встречаются в Верхнем и Среднем Поочье» (Васильев 2005: 164). Поскольку очевидно, что встречается она в разных регионах Славии — с разной частотой.

И хотя «новгородская топонимия находит точные соответствия в различных уголках славянского мира, но обычно чаще, как видно, у западных славян, подчеркивая большую выделенность новгородско-западнославянских схождения» (выделено мной — А.Р.) (Васильев 2005: 74). Добавим к этому «усечение гласного исхода первых компонентов слож-

ния (черта, объединяющая древненовгородские говоры, прежде всего, с западнотрапезничскими)» (Васильев 2005: 159).

Существенно, что речь часто идет не о вообще южных и западных славянах — но о преимущественно определенных территориях западно- и южнотрапезничского (а также — и восточнотрапезничского) мира. Например: «йотово-посессивная топонимия на базе прасл. личн. *Radogostь, сосредоточенная на восточнотрапезничской (Белоруссия, Северная Украина, Орловская, Брянская, Калужская, Тульская обл.) и западнотрапезничской территории, чаще в бывшей области проживания полабских славян» (Васильев 2005: 135). Как видим, вырисовывается определенная — и вполне объяснимая зона. И очевидна корреляция распределения топонимии на *-гощ/-гост-* как раз с очерчиваемым С.Л. Николаевым «кривичским» ареалом или более поздними миграциями из него: «лингвогеографические ареалы большинства особенностей, возводимых нами к кривичскому племенному союзу, очень точно ложатся в археологический ареал кривичей, а те случаи, когда данные черты обнаруживаются вне этого ареала, легко находят объяснения, например, в переселении кривичских по происхождению диалектов на новые территории уже в историческое время» (Николаев 1994: 25).

В частности, имели место «переселения смоленских кривичей и их языковых потомков в Деснинско-Окское междуречье и южнее в сторону Белгорода» (Абраменко и др. 2013: 121). И надо заметить, что «верхнеднепровские гидронимы на *-гощ/-гоща* в подавляющем большинстве расположены в бассейне Десны... обращает на себя внимание отсутствие названий на *-гощ/-гоща* к западу от Днепра» (Топоров, Трубачев 2009: 179).

Далее, и в ареале новгород-псковского диалекта «западнотрапезничские» изоглоссы распределяются неравномерно. Так, имеет место не просто мощное скопление («Концентрация, не повторяющаяся нигде более во всей Европе!» (Агеева 2004: 178)) топонимии на *-гощ/-гост-* в центральных районах Новгородской земли. Наблюдается «выраженная концентрация таких названий в Западном Приильменье, пожалуй, самая мощная во всей Европе» (Васильев 2005: 162) — при «заметном их разрежении в бассейнах Ловати, Волхова и в Восточном Приильменье и при характерном полном их отсутствии в басс. р. Великой (выделено мной — А.Р.) на территории Псковской земли» (Васильев 2005:

166). Очевидно, что мы никак не можем говорить о «большей периферийности» Западного Приильменья в сравнении с Северным — или с бассейном р. Великой, тем более Удомельским Поозерьем (где памятники с надежно устанавливаемым славянским компонентом появляются уже в VI в. (Казанский 2010: 91)).

Итак, речь, по всей видимости, все же должна идти о том, что эта топонимия была более характерна именно для определенных групп славянских первооселенцев региона.

Такое объяснение представляется более убедительным, нежели гипотеза «периферийности».

Равно как и гипотеза «христианизации» (Васильев 2005: 164). Поскольку христианизация и южных, и большей части западных славян и началась раньше, чем восточных, и протекала интенсивнее в силу большей близости к центрам христианизации. Так что, наоборот, нуждается в объяснении сам этот факт «общих системных различий антропонимии» между восточными славянами, с одной стороны, и западными и южными — с другой.

Угасание популярности древних двусловных имен у восточных славян было отнюдь не одномоментным, а растянулось как минимум на полтысячелетия — как представляется, вполне достаточный контрольный период для того, чтобы считать разницу между отдельными регионами достоверной. Так, для Новгорода имена архаического пласта (включающие двусловные имена) еще в XIV в. составляют 21% нехристианских имен (Зализняк 2004: 216). Впрочем, «позднедревнерусские и старорусские источники свидетельствуют о *Домажир/Доможир* как о повсеместно употребительном имени даже в XVII в.; имя *Сновид*, пусть и в составе фамилии, зафиксировано на Северо-Западе в конце XVI в. ... довольно поздно встречаются отнесенные к новгородскому архаическому пласту личн. *Хотень, Неверь, Некрась*; ср. *Хотен Юрьевич Дубровский*, казненный в Новгороде в 1570 г.» (Васильев 2005: 36).

Кроме того, в этом вопросе следует учесть и имена с препозитивным *Гост-*: «*большинство их древнерусских фиксаций... тоже связано преимущественно с северо-западными, новгородскими землями*» (выделено мной — А.Р.), и при этом «новгородская писцовая документация XV—XVI вв. содержит большое количество соответствующих деантропонимных ойконимов: *Гостево, Гостино, Гостен, Гостехово, Гостилицы, Гостило, Гостиловицы, Гостилово, Гостилово-Бережок,*

Гостицово, Госткина, Госткино, Гостьци, Гостятино и др.» (Васильев 2005: 167)¹.

Таким образом, как представляется, верен вывод: особая популярность антропонимической модели со вторым компонентом *-гост* у западных славян, а также у древних новгородцев объясняется тем, что в их генезисе в наибольшей степени участвовали те праславянские группы, которым была особенно свойственна эта антропонимическая модель.

Почему она была им свойственна в большей степени — вопрос отдельный.

Но хотелось бы обратить внимание на следующее: «известно, что и.-евр. **ghostis* является имяобразующим в германской, греческой и кельтской языковых семьях» (Васильев 2005: 123). Между тем, «ни для кого не секрет, что все культуры так называемого третьего мира Северной и Восточной Европы — ясторфская на стадиях Рипдорф и Зеedorф, пшеворская и оксывская... во II—I вв. до н. э. находились под сильным влиянием кельтской цивилизации» (Шукин 2010: 20). Для пшеворской культуры, территория которой позже стала зоной расселения западных славян, и кельтские, и германские влияния (не говоря уже о том, что пшеворскую культуру вообще часто связывают с германцами) были заметно сильнее, нежели для более восточных областей².

¹ Кстати, эти ойконимы, как видим, в преобладающем числе образованы от антропонимов на *-а*: *Гостила, Гостка, Гостеха, Гостица, Гостята*. Их преобладание иллюстрирует нарастающую с течением времени популярность антропонимической модели на *-а* как в Новгороде, так и вообще в историческом русском ареале. Модель на *-а* является проявлением характерной «уже в ранне-др.-новг. период» и позже все более усиливающейся тенденции движения многих групп антропонимов «от первоначального мужского морф. рода в сторону женского» (Зализняк 2004: 209). Которая, в свою очередь, «явно связана с более общей тенденцией русского языка к тому, чтобы наименования лиц, включающие в свое значение аффективный элемент, оформлялись по женскому морф. роду» (Зализняк 2004: 211).

Позволю себе предположить, что эта тенденция и рост популярности антропонимической модели на *-а* связаны с нарастающим влиянием со стороны восточноновгородского идиома.

Во всяком случае, доминирующая в определенных зонах исторического русского ареала (прежде всего: Кострома, Тверь, Великие Луки) антропонимическая модель на *-й* (Романчук, Цвигун 2012; 2013; 2014) заметно коррелирует с очерчиваемым С. Л. Николаевым «кривичским» ареалом и более поздними миграциями из него.

² В контексте варяго-русской дискуссии представляют интерес и следующие выводы М. Б. Шукина. Он отмечал, что «большинство типов раннего пшеворского вооружения воспроизводит кельтские формы» (Шукин 2010: 20). При этом «для кельтов было традиционным помещением в могилы сломанного и погнутого оружия,

Гипотеза «периферийности», как представляется, недоучитывает и вообще осознание лингвистикой методологической некорректности идеи «ограниченной прародины», и, наоборот, признание изначальности диалектного членения древних языковых общностей (в том числе и славян) (Трубачев 2003: 15—17). Между тем, на мой взгляд, это требует внимательнее относиться к самому понятию «языковая периферия». Понятию, очевидно основанному на принятии модели «Центр-Периферия» и представлении о праславянской языковой общности как о некоем «целом» феномене — а не процессе взаимодействия и интеграции различных индоевропейских диалектов.

Особо отмечу, что понимание языковых общностей как сложных процессов взаимодействия и интеграции различных диалектов подводит также к мысли: даже многие общепраславянские языковые явления — на деле были в разной степени свойственны различным праславянским диалектам.

Пытаясь применить модель «Центр-Периферия» к языковым общностям, мы должны соотносить эту модель с конкретным историческим контекстом, в котором существовала данная общность — и, в первую очередь, с политическим измерением этого контекста.

И если говорить о Славии в позднепраславянское время, то мы, прежде всего, должны учитывать, что речь идет о диалектном континууме, располагающемся (по меньшей мере — с VI в.) на огромном пространстве от Эльбы до Дона — и пространстве, лишенном даже намека на политическое единство.

Поэтому, если верен тот, подчеркиваемый О. Н. Трубачевым факт (с опорой на исследо-

и только от них носители новой культурной общности (т. е., пшеворской культуры — А. Р.) могли заимствовать этот обычай» (Шукин 2010: 24). Также отмечается факт «присутствия некоторых пшеворских групп», или, по крайней мере, «пшеворско-оксывское» влияние (включая не только ритуально испорченное оружие, но и характерные типы керамики) в «средней части бассейна Эльбы-Заале, в области Веттерау на Майне, группы Крагхеде на полуострове Вендсисель Ютландии и пр.» (Шукин 2010: 24). Перечень регионов примечателен (Романчук 2013b: 83, прим. 39).

Также стоит здесь еще раз подчеркнуть, что кельтское влияние на Юго-Запад Балтики — сегодня в науке факт общепризнанный (в частности, о нем как о совершенно очевидном явлении говорили и сам М. Б. Шукин, и один из виднейших учеников Л. С. Клейна — Г. С. Лебедев). Поэтому полностью оправданны апелляции А. Г. Кузьмина к кельтскому антропонимикону для объяснения варяжских имен. И, наоборот, абсолютно не соответствует современному уровню науки стремление норманистов или отрицать правомерность таких апелляций, или попросту их игнорировать.

вание Т. Милевского), что именно Средний Дунай является центром очень многих языковых инноваций позднеславянского времени («польский лингвист указал на выделение в позднеславянский период (начиная с VII—VIII вв.) центра ряда важных фонетических инноваций, а заодно и центра славянской территории, каким оказался район к югу от Карпат, в частности Паннония» (Трубачев 1984: 22)), то, все же, каково историческое объяснение этого факта?

Думается, что это — отнюдь не предполагаемое О.Н. Трубачевым расположение праславянской прародины на Среднем Дунае. А совсем другие причины, и прежде всего: в позднеславянское время археологически и исторически фиксируются мощные обратные миграционные потоки населения (и не только славянского) со Среднего Дуная в Среднюю и Восточную Европу — что было вызвано резкими, можно сказать даже — катастрофическими военно-политическими потрясениями на Среднем Дунае в этот период (в особенности — гибелью державы авар).

Примечательно: именно территориально периферийный и новоосвоенный славянами регион Среднего Дуная — тем не менее, стал мощным Центром культурного и языкового влияния для всей Славии. И решающей причиной явились, полагаю, как раз обратные миграционные потоки.

Картина же миграций в позднеславянское время вырисовывается гораздо более сложная, нежели та, которая подразумевается гипотезой «периферийности». И, наоборот, смущающее даже наиболее лояльных скептиков (Журавлев 1994: 193; Васильев 2005) сочетание западославянских и южнославянских параллелей в древненовгородском диалекте хорошо согласуется с фиксируемыми историей и археологией миграциями в позднеславянское время вильцев и сербов из Среднего Подунавья к побережью Юго-Запада Балтики (Седов 2002: 462—472) и, по всей видимости, и далее на восток (Романчук 2013а; 2013б)³.

Да, С.Л. Санкина убедительно показала, что в антропологическом отношении «раннее население Новгородской земли было очень сходно с балтами» (Санкина 2000: 66) — прежде всего пруссами, селами и ятвягами. И достаточно отличается от балтийских славян — которые ближе к германцам. Этот результат

сегодня рассматривается как противоречащий «висло-одерской» гипотезе В.В. Седова.

Но при интерпретации выводов С.Л. Санкиной не учитывается, что балты в рассматриваемое время населяли и Мазурское Поозерье, а также отчасти и земли к западу от Вислы. Вплоть же до Шлезвига и Гольштейна простирается область «балтообразной» топонимии — хотя этническую принадлежность этого населения определить пока затруднительно (Топоров 2006: 54). И, более того, «есть основания полагать, что праславянский язык является одной из филиаций древней балтийской речи «прусского» типа» (Топоров 2006: 53). То есть, данные антропологии как раз хорошо согласуются с археологическими и лингвистическими, и с гипотезой В.В. Седова.

Кроме того, при исключении из анализа параметра «ширина орбит» (по его поводу Т.И. Алексеева высказала сомнения в сопоставимости данных разных исследователей (Санкина 2000: 47)) результаты у С.Л. Санкиной все же несколько изменились. Хотя она считает изменения несущественными («почти все прежние связи сохранились» (Санкина 2000: 47)), но, нельзя не отметить следующие ее выводы: «среди аналогий некоторым словенским (т. е. ильменским словен — А. Р.) группам оказались западославянские и германские. Из числа первых основные аналогии — богемцы (Брандишек и Лаховице), население Средней Силезии и Нижней Вислы, славяно-аварская серия Желовце. Поморяне (Волин, Нижняя Висла) приблизились к трем группам Ижорского плато. Балтийские славяне также стали ближе к грацильным балтам — селам. Западным славянам появились аналогии среди балтов I тысячелетия и среди кривичей» (Санкина 2000: 58).

Наконец, очень важно, что (как убедительно показал А.А. Зализняк на основе анализа берестяных грамот (Зализняк 1993: 193; 2004: 57)) с течением времени происходило именно сближение новгород-псковского диалекта с прочими восточнославянскими.

Ведь этот очевидный для всех факт имеет явно неочевидное следствие — вопрос: каким образом мог сформироваться столь архаичный и отличный от прочих восточнославянских диалект, если его носители пришли из той же южной части Восточной Европы, где сформировались прочие восточнославянские (и сравнительно поздно — не ранее конца V в. н. э. (даже если следовать наиболее общепринятой — и убедительной — точке зрения))? И если археологически очевидно, что уже с VI в. н. э. начинаются все усиливающиеся

³ Кстати, и С.Л. Санкина все же особо подчеркнула: «интересно, что по значениям КВ1 ближе всего к новгородским оказались наиболее ранние группы Чехии и Словакии, относящиеся к VII—X вв. ... и группа вислян (Вишлица) X—XII вв.» (Санкина 2000: 56).

интегративные процессы, в конечном итоге и приведшие к возникновению восточнославянского континуума, и к VIII в. они уже очень заметны и для Северо-Запада России (в частности, эти интегративные процессы выразительно демонстрирует показанное О. А. Щегловой распространение свинцово-оловянистых украшений (Рябцева 2009: 358; Казанский 2010: 93))⁴.

И если мы признаем реальность «кривичско-севернолехитского диалектного ареала», то каким же образом он сформировался?

В этой связи отметим, что сегодня даже противниками западного происхождения носителей древнеовгородского диалекта признается:

1. Параллельно со становлением культуры псковских длинных курганов (далее — КПДК) в ее ареале, а также в ареале ряда соседних (прежде всего — расположенной южнее тушемлинской, но также вплоть до междуречья Волги и Оки) лесной зоны Восточной Европы распространяются вещи «среднеевропейских провинциально-римских типов» — которые не могли прийти из южных регионов Восточной Европы. То есть, движение этих типов шло через территорию Прибалтики — и вместе с ними в лесную зону Восточной Европы в очень значительном количестве проникли и западнобалтские типы вещей. Через Прибалтику и вместе с западнобалтскими и среднеевропейскими типами в ареал КПДК проникают вещи и со Среднего Дуная (Казанский 2010: 99; Лопатин, Фурасьев 2007: 74; 2007а: 281). «Возможно, прав М. М. Казанский: серия европейских и балтских вещей... говорит об инфильтрации во второй половине V века... групп населения, включающих балтов, германцев и славян. Начал формироваться это симбиоз еще на Дунае, затем в процессе передвижения к нему добавлялись балты» (Лопатин, Фурасьев 2007: 74). Двигались же эти «пришельцы с запада», как они уточняют, «по хорошо известному “Янтарному пути” между Северной Италией и айстами-эстиями. Затем оттуда они свернули на восток».

Сам М. М. Казанский в более поздней работе существенно добавляет аргументов к этому выводу (Казанский 2010: 23—26, 40—44, 87—102)⁵. Из его исследования, как представ-

ляется, с еще большей уверенностью следует сделанный ранее вывод о формировании Системы Приоритетного Взаимодействия (далее — СПВ) между Юго-Западом Балтики и Северо-Западом будущей Руси уже, по крайней мере, к V в. н. э. (Романчук 2013: 286). Славянские группы со Среднего Дуная, двигавшиеся по Янтарному пути, попадали в эту, уже существовавшую (и ориентированную именно от Южной Балтики к Северо-Западу будущей Руси), СПВ.

В той или иной мере в эту СПВ входили и низовья Эльбы: так, на территории Литвы «фибулы IV—V вв., похожие по орнаментике и стилистике, можно обнаружить у германских племен, живших в регионе реки Эльбы» (Budvydas 2002: 273)⁶.

2. С территорией Прибалтики связано и другое кардинальное и синхронное изменение в ареале КПДК — возникновение нового специфического погребального обряда, самой яркой чертой которого являются т. н. «длинные курганы» (Казанский 2010: 95). Как отмечают опять-таки основные оппоненты В. В. Седова (и не только они (Казанский 2010: 95)) по поводу происхождения погребального обряда КПДК: «пришельцами, нарушившими спокойную жизнь местного населения, могли быть попросту носители соседней культуры восточно-литовских курганов... Во всяком случае, более близких параллелей курганному обряду мы в этот период для длинных курганов нигде не найдем» (Лопатин, Фурасьев 2007а: 284).

«Длинные курганы» как этно- и культурно-дифференцирующий признак не следует (даже рассматривая его как «моду» (Каргопольцев 2013: 353)) недооценивать. За столь радикальной инновацией погребального обряда скрываются не менее радикальные и кардинальные изменения мировоззрения и самосознания.

ков региона Рявала — для которого эстонские археологи предполагают скандинавскую колонию второй половины V—VI вв.: «непонятно, правда, почему гипотетические скандинавские колонисты решили погребать своих умерших по местному обряду. Может быть, это все же местная финская группа, усвоившая элементы престижной культуры?» (Казанский 2010: 69). Увы, эта абсолютно справедливая мысль почему-то напрочь отказывается приходить в голову норманистам в контексте уже собственно варяго-русской дискуссии.

⁶ Примечательно еще, что для некоторых типов аналогии «обнаружены в могильниках Польши — Брулин-Коски, Кавечин, также много найдено на территории Словакии» (Budvydas 2002: 273).

⁴ Тем более, соответственно, этот вопрос актуален для тех, кто относит появление славян в регионе к рубежу VII—VIII вв. (Каргопольцев 2013: 356), не говоря уж о попытках отнести кривичей к балтам.

⁵ Помимо прочего, нельзя не обратить внимания на его весьма резонное замечание по поводу памятни-

Тушемлинская же культура характеризуется грунтовыми могильниками (Седов 1999: 129). И хотя в ареал тушемлинской культуры широко проникают среднеевропейские типы, а также восточнобалтские, но — не попадают (в бассейн Западной Двины) западнобалтские (Казанский 2010: 104).

3. КПДК возникает как минимум на двести лет раньше, чем более южная, сменяющая тушемлинскую и всеми однозначно связываемая с кривичами культура смоленско-полоцких длинных курганов (далее — СПДК). Причем курганы СПДК по размерам сильно уступают таковым КПДК (Седов 1999: 142). То есть, в СПДК мы наблюдаем фактически деградацию традиции длинных курганов. И «становление культуры смоленско-полоцких длинных курганов в настоящее время можно объяснить какими-то перемещениями населения с территории псковских длинных курганов» на юг, в ареал предшествующей СПДК тушемлинской культуры (Седов 1999: 142).

4. С археологическими данными отчетливо и положительно коррелируют и данные лингвистики: «самые своеобразные фонетические и морфологические черты древнепсковского диалекта в южнокривичской (смоленско-полоцкой) зоне отсутствуют» (Зализняк 2004: 6). Вывод этот следует и из работ С. Л. Николаева (2011: 11).

5. В междуречье Волги и Клязьмы проникают с запада и браслетообразные височные кольца (Седов 1999: 150—154). С их носителями вполне убедительно связывается «пучок изоглосс позднеславянского происхождения, принадлежащий ростово-суздальскому («мерянскому») диалекту славянского племени» (Абраменко и др. 2013: 120). В КПДК их, что важно, практически нет: «Браслетообразные височные кольца не были характерны для славян — создателей культуры псковских длинных курганов» (Седов 1999: 139).

Но, добавлю: *браслетообразные височные кольца являются одним из характерных элементов тушемлинской культуры, и именно из ее ареала распространяются в регион Волги-Клязьмы* (Седов 1999: 137). То есть, по всей видимости, население тушемлинской культуры в языковом отношении было близко именно носителям «прото-ростово-суздальского диалекта», а не кривичам.

Вывод этот подтверждается, на мой взгляд, и последними исследованиями С. Л. Николаева (2014: 370).

6. Наконец, одним из основных контраргументов со стороны оппонентов В. В. Седова служит то, что проникновение среднеевропейских типов вещей в лесную зону Восточ-

ной Европы имело место еще в IV веке (и даже ранее) (Лопатин, Фурасьев 2007а: 281) — т.е., по мысли оппонентов, до появления славян на Северо-Западе и вне связи с ними.

Но действительно ли факт более раннего, до возникновения КПДК, проникновения среднеевропейских типов на Северо-Запад противоречит гипотезе В. В. Седова?

А. Г. Фурасьев и Н. В. Лопатин связывают генезис КПДК с продвижением с юга носителей традиций круга Заозерье — которые рассматривают как локальный, и самый северный вариант киевской культурно-исторической общности (далее — ККИО)⁷. В свою очередь, сегодня почти никто не сомневается, что именно из памятников «киевского типа» вырастают первые достоверно славянские культуры. Хотя сам процесс трансформации смутен, особенно что касается культуры Прага-Корчак: в памятниках ККИО «нет столь характерных “пражских” горшков в виде “матрешки без головы”» (Щукин 2011: 240).

Однако, что примечательно: с ККИО связано производство вещей круга т.н. «выемчатых эмалей». Как бы ни решать спор о генезисе этого феномена (обзор историографии см.: Зиньковская 2009; Обломский, Терпиловский 2010: 113—124), все же однозначна приуроченность вещей «круга эмалей» именно к миру лесных культур Восточной Европы и Прибалтики (прежде всего памятников ККИО), тогда как в ареал черняховской культуры они проникают слабо (Зиньковская 2009: 220; Радюш 2013: 54, рис. 1). Действительно, в отличие от черняховской культуры, носители ККИО («и ее предшественники») «вместе с культурами лесной зоны и странами Балтии, образуют иной блок взаимных культурных связей, характеризующийся прежде всего распространением вещей, зачастую ажурных, украшенных красной выемчатой эмалью» (Щукин 1997: 140).

Полагаю, при несомненном наличии в Среднем Поднепровье самостоятельного центра производства, все же невозможно усомниться и в том, что он возникает именно под влиянием из Прибалтики (Вернер 1972: 111; Корзухина 1978; Горюнов 1981: 40; Щукин 1997: 130). И вполне убедительно, во-первых, что исходным центром импульса, давшего начало феномену «эмалей», стали Норик или Паннония, и во-вторых, что распростране-

⁷ М. Б. Щукин, правда, выразил сомнения в том, насколько можно Абидня, Тайманово и Заозерье отнести к памятникам киевского типа (Щукин 2011: 240).

ние этого импульса шло через Прибалтику (Щукин 1997: 130).

При этом, в генезисе ККИО существенную роль играли перемещения населения с севера на юг: «обитатели поселений типа Грини-Вовки, составившие затем и существенную часть носителей киевской культуры, были выходцами с севера, из южной части лесной зоны» (Щукин 1997: 138). Еще южнее обнаруживается группа Этулия, демонстрирующая отчетливые аналогии с культурой штрихованной керамики (далее — КШК) (Щукин 2011: 242)⁸.

То есть, можно говорить, во-первых, что формирование южнобалтийской СПВ произошло намного раньше — еще в I в. н. э. Во-вторых, что уже тогда южнобалтийская СПВ замыкалась через Янтарный путь на Средний и Верхний Дунай. И в-третьих, что именно формирование этой «дуги связей» стало одним из существеннейших факторов формирования позднепраславянского диалектного континуума.

Однако стартовым импульсом формирования позднепраславянского диалектного континуума стало, по моему мнению, более раннее событие — возникновение зарубинецкой культуры. В ходе ее формирования (Пачкова 2006: 340—347) имела место не только миграция значительного числа групп (в первую очередь — представителей ясторфской культуры) из Средней Европы в Восточную, но и, на мой взгляд, произошел переход на качественно новый, значительно более интенсивный уровень взаимодействия этих двух регионов.

Думаю, что именно в результате формирования зарубинецкой культуры произошла и миграция этнонима «венеды» (хотя и фиксируемого письменными источниками лишь значительно позже) в Восточную Европу — а не, как предполагал М. Б. Щукин (1997: 142), в процессе формирования Янтарного пути. В противном случае, слишком уж несопоставим масштаб события (трансляции этнонима «венеды» на обширные пространства Средней и Восточной Европы) — и его предполагаемых механизмов. Кроме того, на мой взгляд, в контексте «венедского вопроса» необходимо рассматривать и ранних вандалов — с которыми М. Б. Щукин достаточно убедительно отождествил пшеворскую культуру (Щукин 2011: 19). Как ранние вандалы, так и венеды, по всей видимости, не были ни славяна-

ми, ни германцами — но теми, еще «не определившимися», народами «между кельтами и германцами», на которых в свое время обратил внимание М. Б. Щукин в связи с бастарнами⁹.

Таким образом, в свете синтеза данных археологии, лингвистики и физической антропологии формирование древненовгородского

⁹ То есть, вандалы/венеды/венеты/венды (а также вятичи и, думаю, все же и анты (Грацианский 2012)) — такие же различные проявления одного исходного этнонима, как и русь/руги/рутены. Напомню, на мой взгляд, «этнонимы *руги*, *рутены*, *русь* могли возникнуть как различные формы одного общего этнонима, восходящего к «и.-е. группе *rudh-/rudh-/roudh-(reudh-)*» с основным значением «красный» (Романчук 2013: 294). Поскольку для индоевропейского мира у нас более чем достаточно примеров, когда осколки старых этносов входят в различные, и зачастую удаленные территориально (а позднее — все сильнее различающиеся и в языковом, и в культурном отношении) новые этнические общности (Хабургаев 1979: 210; Романчук 2010), вполне убедительно, что *руги*, *рутены* и *русь* — как раз тоже один из таких примеров (развернутая аргументация: Романчук 2013а; 2013b).

Здесь крайне важен вывод, к которому приходит В. Л. Васильев в связи с этимологией р. Порусье (старое название — Русса) в Южном Приильменье. Он пишет: «Эту исконную форму нельзя трактовать изолированно от ряда гидронимических параллелей в ареале древней и современной Балтии: реки *Русса*, возможно, *Руза* в Подмоскowie, *Русска* в верхнем Поднепровье, *Руса* в бывшей Курской губ., прусск. *Russa*, *Russe*, *Russe-moter*, куршск. *Russe*, *Rosse*, *Rusnis*, правый рукав Немана, *Русская* в границах бывшей Жомойтской земли и некоторые другие». И он предлагает «сблизить название с лит. *gausvas* «красноватый», лтш. *rusa* «ржавчина», сербохорв. *рус*, словен. *rus* «красный, желтый» (Васильев 2009: 12).

Собственно, об этом же говорит (вслед за Я. Отрембским и С. Роспондом) и К. А. Максимович: «Название Русь непосредственно связано с севернорусским гидронимом и ойконимом Рус(с)а, а также с гидронимом Рось (правый приток Днепра ниже Киева), однако не восходит к ним. Все три названия возводятся к праславянскому корню (с его балтийскими соответствиями) **r̥gd-/*roud-/*ryd-* (из *rud-*) «красноватый, бурый, рыжий» (Максимович 2006: 50).

Вместе с тем, думается, что при бесспорном факте существования «прасл. **rus-* «красный»» (Васильев 2005: 153), формирование этнонима и гидронима *русь* следует прояснить через формирование вообще этнонимической модели на *-ь* — действительно, как показал еще Г. А. Хабургаев, маркирующей определенный регион Восточной Европы.

Таким образом, уже набившая оскомину река Рось действительно имеет отношение к этимологии этнонима *русь* — но совсем не так, как представлялось сторонникам гипотезы происхождения этого этнонима от гидронима. Нет, р. Рось и подобные ей названия очерчивают тот ареал в рамках индоевропейского диалектного континуума (видимо, действительно соответствующий древней Балтии), в котором «и.-е. группа *rudh-/rudh-/roudh-(reudh-)*» приняла форму, отразившуюся как в вышеобозначенных В. Л. Васильевым гидронимах — так, очевидно, и в этнониме *русь*.

⁸ Подробнее о КШК в контексте данной проблемы см.: (Романчук 2013b: 75—80, прим. 35).

диалекта предстает как результат неоднократных миграций из западной части Славии в позднелаславянское время (и, видимо, и ранее — в процессе формирования самой Славии) именно через Прибалтику. Существ-

веннейшую роль в этом играло возникновение значительно ранее «дуги связей»: Средний и Верхний Дунай — Янтарный путь — южнобалтийская СПВ — лесная зона Восточной Европы.

Литература

- Абраменко и др. 2013: Абраменко О. А., Николаев С. Л., Тер-Аванесова А. В., Толстая М. Н. 2013. Системы соотношения gen. и dat.-loc. а-основ в восточнославянских языках: сравнительно-исторический аспект. *Исследования по славянской диалектологии* 16. Москва: Институт славяноведения, 63—165.
- Агеева Р. А. 2004. *Гидронимия русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации*. Москва: УРСС.
- Васильев В. Л. 2005. *Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования)*. Великий Новгород: НовГУ.
- Васильев В. Л. 2009. Архаическая топонимия с префиксом *по-/па-* на Русском Северо-Западе. *Вопросы ономастики* 7, 4—13.
- Вернер И. 1972. К происхождению и распространению антов и склавинов. *СА* (4), 102—114.
- Горюнов Е. А. 1981. *Ранние этапы истории славян Днепро-Днепровского Левобережья*. Ленинград: Наука.
- Грацианский М. В. 2012. О происхождении этнонима «анты». *Византийский временник* 71 (96), 27—39.
- Журавлев А. Ф. 1994. *Лексико-семантическое моделирование системы славянского языкового родства*. Москва: Индрик.
- Зализняк А. А. 1993. К изучению языка берестяных грамот. В: Янин В. Л., Зализняк А. А. (отв. ред.). *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.)*. Москва: Наука, 191—343.
- Зализняк А. А. 2004. *Древненовгородский диалект*. Москва: Языки славянских культур.
- Зиньковская И. В. 2009. Из истории изучения убора с выемчатыми эмальями. *Дивногорский сборник* (1). Воронеж: Воронежский университет, 214—224.
- Казанский М. М. 2010. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов. *Stratum plus* (4), 17—127.
- Каргапольцев С. Ю. 2013. Еще раз о нижней дате длинных курганов (история вопроса и ответ оппонентам). *Stratum plus* (4), 351—360.
- Корзухина Г. Ф. 1978. *Предметы убора с выемчатыми эмальями V — первой половины VI вв. н. э.* САИ Е1—43.
- Крысько В. Б. 1998. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне. *Вопросы языкознания* (3). Москва, 74—93.
- Кудрявцев Ю. С. 2000. Древнейшие русско-эстонские языковые контакты. В: *Труды по русской и славянской филологии* III. Тарту: Тартуский университет, 65—76.
- Лопатин Н. В., Фурсьев А. Г. 2007. *Северные рубежи раннеславянского мира в III—V вв. н. э.* Раннеславянский мир 8. Москва: ИА РАН.
- Лопатин Н. В., Фурсьев А. Г. 2007а. Северо-Запад России и Север Белоруссии. В: Гавритухин И. О., Обломский А. М. (отв. ред.). *Восточная Европа в середине тысячелетия н. э.* Раннеславянский мир 9. Москва: ИА РАН, 276—300.
- Максимович К. А. 2006. Происхождение этнонима Русь в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников. В: Грацианский М. В., Кузенков В. П. (отв. ред.). *KANISKION. Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора Игоря Сергеевича Чичурова*. Москва: Изд-во ПСТГУ, 14—56.
- Николаев С. Л. 1990. К истории племенного диалекта кривичей. *Советское славяноведение* (4), 54—63.
- Николаев С. Л. 1994. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов. *Вопросы языкознания* (3). Москва, 23—49.
- Николаев С. Л. 2011. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. Верхневолжские (тверские) кривичи. *Славяноведение* (6), 3—19.
- Николаев С. Л. 2014. Полесско-восточнорусские фонетические изоглоссы позднелаславянского происхождения. В: Гриценко П. Е. (ред.). *Диалекти в синхронії та діахронії: загальнослов'янський контекст*. Київ: НАНУ, 365—370.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В. 2007. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы. В: Обломский А. М. (отв. ред.). *Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III — начало V вв. н. э.)*. Раннеславянский мир 10. Москва: Индрик, 113—141.
- Пачкова С. П. 2006. *Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы*. Киев: ИА НАНУ.
- Радюш О. А. 2013. Элементы всаднической и дружинной культуры II—III вв. в Поднепровье. *Stratum plus* (4), 51—73.
- Романчук А. А. 2013. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны. *Stratum plus* (5), 283—299.
- Романчук А. А. 2013а. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны (полная версия). <http://moldo.org/2nd.php?idm=3&ida=295>
- Романчук А. А. 2013б. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны. *Вестник КИГИТ* 36 (6), 73—131.
- Романчук А. А. 2014. Спор о древненовгородском диалекте: взгляд археолога. В: Гриценко П. Е. (ред.). *Диалекти в синхронії та діахронії: загальнослов'янський контекст*. Київ: НАНУ, 401—405.
- Романчук А. А. 2014а. Булаештский говор и рефлексы праславянских сочетаний *tj и *dj. В: Мартинова Г. І. (відп. ред.). *Філологічний вісник Уманського державного педагогічного університету імені Павла Тичини: збірник наукових праць* 5. Умань: Візаві, 47—54.
- Романчук А. А., Цвигун Ю. О. 2012. Антропонимическая модель на -*ай* в историческом русском ареале и вопрос о дославянском субстрате. *Вестник КИГИТ* 24 (6), 131—152.
- Романчук А. А., Цвигун Ю. О. 2013. Савроматы и савиры: к возможности уточнения вопроса об этнической природе. *Stratum plus* (3), 293—320.

- Романчук А. А., Цвигун Ю. О. 2014. Антропонимическая модель на —и в историческом русском ареале и средневековой Молдове: основные результаты количественного анализа и их интерпретация. Кишинев: Р. Р. Stratum plus.
- Рябцева С. С. 2005—2009. Подунайские элементы в ювелирном уборе населения Восточной Европы в VII—XI вв. *Stratum plus* (5), 357—380.
- Санкина С. Л. 2000. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Седов В. В. 1999. Древнерусская народность: историко-археологическое исследование. Москва: Наука.
- Седов В. В. 2002. Славяне: историко-археологическое исследование. Москва: Языки славянских культур.
- Топоров В. Н. 2006. Прусский язык. В: Топоров В. Н., Завьялова М. В., Кибрик А. А. (отв. ред.). *Языки мира: Балтийские языки*. Москва: Academia, 50—93.
- Трубачев О. Н. 1984. Языкознание и этногенез славян (окончание). *Вопросы языкознания* (3). Москва, 18—29.
- Топоров В. Н., Трубачев О. Н. 2009. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. В: Трубачев О. Н. *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. Т. 2. Москва: Языки славянской культуры, 9—382.
- Щукин М. Б. 1997. Рождение славян. В: Ткачук М. Е., Манзура И. В. (ред.). *Стратум: Структуры и катастрофы*. Санкт-Петербург: Нестор, 110—147.
- Щукин М. Б. 2010. Ранние вандалы. В: Щеглова О. А. (ред.). *Germania-Sarmatia II*. Калининград: КО-ИХМ; Курск: КГОМА, 15—32.
- Щукин М. Б. 2011. Реплика по поводу «киевской культуры». В: Мачинский Д. А. (отв. ред.). *Европейская Сарматия: сборник, посвященный М. Б. Щукину*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 239—244.
- Budvydas U. 2002. Lietuvoje rastų lankinių segių lenka kojele tipologia ir chronologija. *Lietuvos archeologija* 22, 243—274.

References

- Abramenko, O. A., Nikolaev, S. L., Ter-Avanesova, A. V., Tols-taya, M. N. 2013. In *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii (Studies in Slavic Dialectology)* 16. Moscow: Institut slavianovedeniia, 63—165 (in Russian).
- Ageeva, R. A. 2004. *Gidronimiia russkogo Severo-Zapada kak istochnik kulturno-istoricheskoi informatsii (Hydronyms of the Russian North-West as a Source of Cultural and Historical Information)*. Moscow: URSS (in Russian).
- Vasilyev, V. L. 2005. *Arkhaiskaia toponimiia Novgorodskoi zemli (Drevneslavianskie deantroponimnye obrazovaniia) (Archaic Toponymy of Novgorod Land (Early Slavic Deantroponymic Forms))*. Veliky Novgorod: NovGU (in Russian).
- Vasilyev, V. L. 2009. In *Voprosy onomastiki (Problems of Onomastics)* 7, 4—13 (in Russian).
- Werner, I. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 102—114 (in Russian).
- Goryunov, E. A. 1981. *Rannie etapy istorii slavian Dneprovskogo Levoberezh'ia (Early Stages in History of Slavs of the Dnieper's Left Bank)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Gratsiansky, M. V. 2012. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 71 (96), 27—39 (in Russian).
- Zhuravlev, A. F. 1994. *Leksiko-semanticheskoe modelirovanie sistemy slavianskogo iazykovogo rodstva (Lexical and Semantic Modeling of the Slavic Linguistic Kinship System)*. Moscow: Indrik (in Russian).
- Zaliznyak, A. A. 1993. In *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984—1989 gg.) (Novgorod Letters on Birch Bark (from excavations of 1984—1989))*. Moscow: Nauka, 191—343 (in Russian).
- Zaliznyak, A. A. 2004. *Drevnenovgorodskii dialekt (Dialect of Old Novgorod)*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur (in Russian).
- Zinkovskaya, I. V. 2009. In *Divnogorskii sbornik (Divnogor'e Bulletin)* (1). Voronezh: Voronezhskii universitet, 214—224 (in Russian).
- Kazanski, M. M. 2010. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (4), 17—127 (in Russian).
- Kargapoltsev, S. Yu. 2013. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (4), 351—360 (in Russian).
- Korzukhina, G. F. 1978. *Predmety ubora s vyemchatymi emalami V—pervoi poloviny VI vv. n. e. (Items of Jewelry with Sinuate Enamels of 5th — first half of 6th cc. AD)*. Svod arkhеологических источников (Corpus of Archaeological Sources) E1—43 (in Russian).
- Krysko, V. B. 1998. In *Voprosy iazykoznaniiia (Questions of Linguistics)* (3). Moscow, 74—93 (in Russian).
- Kudryatsev, Yu. S. 2000. In *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii (Papers on Russian and Slavic Philology)* III. Tartu: Tartuskii universitet, 65—76 (in Russian).
- Lopatin, N. V., Furasiev, A. G. 2007. *Severnye rubezhi ranne-slavianskogo mira v III—V vv. n. e. (Northern Frontiers of the Early Slavic World in the 3rd—5th centuries AD)*. Ranneslavianskii mir (Early Slavic world) 8. Moscow: IA RAN (in Russian).
- Lopatin, N. V., Furasiev, A. G. 2007. In *Ranneslavianskii mir (Early Slavic World)* 9. Moscow: IA RAN, 276—300 (in Russian).
- Maksimovich, K. A. 2006. In *KANIEKION. Iubileinyi sbornik v chest' 60-letii professora Igoria Sergeevicha Chichurova (KANIEKION. Collection of Papers Dedicated to the 60th Anniversary of Professor Igor S. Chichurov)*. Moscow: PSTGU, 14—56 (in Russian).
- Nikolaev, S. L. 1990. In *Sovetskoe slavianovedenie (Soviet Slavic Studies)* (4), 54—63 (in Russian).
- Nikolaev, S. L. 1994. In *Voprosy iazykoznaniiia (Questions of Linguistics)* (3). Moscow, 23—49 (in Russian).
- Nikolaev, S. L. 2011. In *Slavianovedenie (Slavonic Studies)* (6), 3—19 (in Russian).
- Nikolaev, S. L. 2014. In *Dialekty v synkhronii ta diakhronii: zahal'noslov'yans'kyj kontekst (Dialects in Synchrony and Diachrony: General Slavic Context)*. Kiev: NANU, 365—370 (in Russian).
- Oblomskii, A. M., Terpilovskii, R. V. 2007. In *Pamiatniki kievskoi kul'tury v lesostepnoi zone Rossii (III — nachalo V vv. n. e.) (Sites of Kiev Culture in the Forest-Steppe Zone of Russia (3rd — beginning of 5th centuries AD))*. Ranneslavianskii mir (Early Slavic world) 10. Moscow: Indrik, 113—141 (in Russian).
- Pachkova, S. P. 2006. *Zarubinskaia kul'tura i latenizirovannye kul'tury Evropy (Zarubinskaia Culture and La-Tene-ized Cultures of Europe)*. Kiev: IANANU (in Russian).
- Radjush, O. A. 2013. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (4), 51—73 (in Russian).
- Romanchuk, A. A. 2013. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (5), 283—299 (in Russian).
- Romanchuk, A. A. 2013a. *Variago-russkii vopros v sovremennoi diskussii: vzgliad so storony (Varangian-Russian Issue in Modern Discussion: an Outsider's View)* (full version). <http://molodo.org/2nd.php?idm=3&ida=295> (in Russian).
- Romanchuk, A. A. 2013b. In *Vestnik Kamskogo instituta gumanitarnykh i inzhenernykh tekhnologii (Bulletin of Kama Institute of Humanitarian and Engineer Technologies)* 36 (6), 73—131 (in Russian).
- Romanchuk, A. A. 2014. In *Dialekty v synkhronii ta diakhronii: zahal'noslov'yans'kyj kontekst (Dialects in Synchrony*

№5. 2014

- and Diachrony: General Slavic Context). Kiev: NANU, 401—405 (in Russian).
- Romanchuk, A. A. 2014a. In *Filolohichnyj visnyk Umans'koho derzhavnoho pedahohichnoho universytetu imeni Pavla Tychyny: zbirnyk naukovykh prats (Philological Bulletin of "Pavlo Tychyna" State Pedagogical University: collection of scientific works)* 5. Uman: "Vizavi", 47—54 (in Russian).
- Romanchuk, A. A., Tsvigun, Iu. O. 2012. In *Vestnik Kamskogo instituta gumanitarnykh i inzhenernykh tekhnologii (Bulletin of Kama Institute of Humanitarian and Engineer Technologies)* 24 (6), 131—152 (in Russian).
- Romanchuk, A. A., Tsvigun, Iu. O. 2013. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (3), 293—320 (in Russian).
- Romanchuk, A. A., Tsvigun, Iu. O. 2014. *Antroponimicheskaia model' na -i v istoricheskom russkom areale i srednevekovoi Moldove: osnovnye rezul'taty kvantitativnogo analiza i ikh interpretatsiia (The Anthroponomical Model of Inflection -i in Historical Russian Area and Medieval Moldova: the Main Results of Quantitative Analysis and Interpretation)*. Kishinev: "Stratum plus" P. P.
- Ryabtseva, S. S. 2005—2009. In *Stratum plusio Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (5), 357—380 (in Russian).
- Sankina, S. L. 2000. *Etnicheskaia istoriia srednevekovogo naseleeniia Novgorodskoi zemli po dannym antropologii (Ethnic History of the Medieval Population of Novgorod Land by Anthropological Data)*. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" (in Russian).
- Sedov, V. V. 1999. *Drevnerusskaia narodnost': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Early Russian Ethnos: a Historical and Archaeological Study)*. Moscow: "Nauka" (in Russian).
- Sedov, V. V. 2002. *Slaviane: istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (The Slavs: a Historical and Archaeological Study)*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur (in Russian).
- Toporov, V. N. 2006. In *Iazyki mira: Baltiiskie iazyki (Languages of the World: Baltic Languages)*. Moscow: "Academia", 50—93 (in Russian).
- Trubachev, O. N. 1984. In *Voprosy iazykoznanii (Questions of Linguistics)* (3). Moscow, 18—29 (in Russian).
- Toporov, V. N., Trubachev, O. N. 2009. In *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriia. Kul'tura (Works on Etymology: Word. History. Culture)* 2. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 9—382.
- Shchukin, M. B. 1997. In *Stratum: Struktury i katastrofy (Stratum. Structures and catastrophes)*. Saint Petersburg: "Nestor", 110—147 (in Russian).
- Shchukin, M. B. 2010. In *Germania-Sarmatia II*. Kaliningrad: KOIKhM; Kursk: KGOMA, 15—32 (in Russian).
- Shchukin, M. B. 2011. In *Evropeiskaia Sarmatia: sbornik, posviashchennyi M. B. Shchukinu (European Sarmatia: a Collection of Papers Dedicated to M. B. Shchukin)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia", 239—244 (in Russian).
- Budvydas, U. 2002. Lietuvoje rastę lankinių segiių lenkta kojele tipologia ir chronologija. *Lietuvos archeologija* (22), 243—274.

Статья поступила в номер 23 мая 2014 г.

Aleksey Romanchuk (Kishinev, Moldova). Master of Anthropology. High Anthropological School University¹.

Aleksey Romanchuk (Chişinău, Moldova). Magistru în antropologie. Universitatea „Şcoala Antropologică Superioară”.

Романчук Алексей Андреевич (Кишинев, Молдова). Магистр антропологии. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: dierevo@mail.ru, dierevo5@gmail.com

Address: ¹ St. Zimbrului, 10a, Kishinev, MD-2024, Moldova